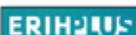
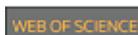

Мамяченков В. Н. Воспоминания Ю. Е. Завойко как источник по истории Дальневосточного театра Крымской войны 1853—1856 годов / В. Н. Мамяченков, В. В. Шведов // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 375—390. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-375-390.

Mamyachenkov, V. N., Shvedov, V. V. (2019). Yu. E. Zavoyko's Memories as a Source on History of Far Eastern Theatre of Crimean War of 1853—1856. *Nauchnyi dialog*, 9: 375-390. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-375-390. (In Russ.).

УДК 94(47).073.5+929Завойко+82-94

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-375-390

ВОСПОМИНАНИЯ Ю. Е. ЗАВОЙКО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ТЕАТРА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853—1856 ГОДОВ

© **Мамяченков Владимир Николаевич (2019)**, orcid.org/0000-0001-6070-8746, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), mamyachenkov@mail.ru

© **Шведов Владислав Витальевич, orcid.org/0000-0003-2130-3273**, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), svedoff@mail.ru

В статье проанализированы записки-воспоминания Юлии Егоровны Завойко (1819—1892), жены известного российского военного деятеля, адмирала Василия Степановича Завойко (1810—1898). Литературное наследие Ю. Е. Завойко рассматривается как важный исторический источник по истории Камчатки и камчатскому театру Крымской войны 1853—1856 годов. Актуальность темы обусловлена тем большим интересом, который в наши дни проявляется к историческим проблемам гендерного характера, прежде всего — к осмыслению понимания роли женщины в историческом процессе. Научная новизна исследования видится в том, что литературное наследие Ю. Е. Завойко до сего времени не было предметом научной разработки. Отмечается, что ее имя сейчас известно в основном только профессионалам-историкам и тем, кто предметно интересуется историей России. Сообщается, что Ю. Е. Завойко родилась в аристократической семье и была родственницей целой плеяды известных российских исторических личностей. Подчеркивается, что камчатским событиям 1854—1855 годов посвящен ряд воспоминаний и научных работ. Констатируется, что отдельные работы посвящены самой Ю. Е. Завойко и ее знаменитому мужу, но при этом ее воспоминаниям не было уделено достойного внимания. Утверждается, что эти воспоминания выгодно отличаются от всех других работ именно тем, что написаны женщиной,

женой и матерью, а поэтому освещают не «батальную» (и достаточно известную), а бытовую, повседневную сторону жизни и обороны Петропавловск-Камчатского. Добавляется, что их автор сумела в небольшое количество написанных страниц вместить довольно обширный объем ценных исторических, этнографических и географических сведений.

Ключевые слова: Крымская война 1853—1856 годов; Камчатский театр; Петропавловск-Камчатский; супруги Завойко; записки-воспоминания.

1. Введение

Имя баронессы Юлии (Юлианы) Егоровны Завойко (1819—1892) [Юлиана ...] сейчас известно в основном только профессионалам-историкам и тем, кто предметно интересуется историей России. Между тем эта незаурядная женщина оставила свой примечательный след в историографии нашей страны середины XIX века и прежде всего — Крымской войны (1853—1856), причем в ее очень интересном эпизоде — обороне Петропавловск-Камчатского летом 1854 года.

Ю. Е. Завойко родилась в аристократической семье профессора права Е. В. Врангеля и была родственницей целой плеяде известных российских исторических личностей. В частности, она приходилась племянницей знаменитому полярному исследователю барону Ф. П. Врангелю и двоюродной теткой — барону генералу П. Н. Врангелю, одному из самых выдающихся деятелей белого движения

Юлия Егоровна Завойко
в последние годы жизни

в годы Гражданской войны. На самый же дальний форпост Российской Империи Ю. Е. Завойко привела судьба — в 1840 году она вышла замуж за лейтенанта Василия Степановича Завойко, будущего адмирала, который и увез ее сначала в Охотск, а затем — в Петропавловск-Камчатский. Вместе с мужем Юлия Егоровна прожила на Дальнем Востоке 16 очень нелегких лет, пережив множество трудностей и опасностей (в том числе и знаменитую оборону портового города), о чем она и рассказала в своих мемуарах, уделив внимание прежде всего военному периоду [Завойко Ю. Е., 1876].

Нельзя не сказать, что камчатским событиям 1854—1855 годов по-

священ целый ряд воспоминаний и научных работ, см., например: [Арбузов, 1870; Героическая ..., 1979; Героическая оборона ..., 1989; Киселева, 2007; Степанов, 1954; Тарле, 1944]. Отдельные работы посвящены самой Ю. Е. Завойко и ее знаменитому мужу [Врубель, 2011]. Наконец, были опубликованы и переизданы уже в 1990-е годы воспоминания сына Юлии Егоровны — Степана Завойко [Завойко С. В., 1993]. Но мемуары ее самой выгодно отличаются от всех перечисленных работ именно тем, что написаны женщиной, женой и матерью, а поэтому освещают не «батальную» (достаточно, кстати, известную), а бытовую, повседневную сторону жизни и обороны Петропавловск-Камчатского. И именно это обстоятельство позволяет, на наш взгляд, рассматривать воспоминания Ю. Е. Завойко как важный источник по истории Камчатки и, в частности, Камчатского (и в целом Дальневосточного) театра Крымской войны.

Семья Ю. Е. и В. С. Завойко

2. Воспоминания Ю. Завойко и их место в российской историографии XIX века

Свои записки Ю. Е. Завойко опубликовала двадцать лет спустя после окончания Крымской войны — в 1876 году, когда события этого одного из крупнейших военных конфликтов XIX века уже стали историей, а на пороге была следующая русско-турецкая война 1877—1878 годов. К этому

времени уже выросли ее дети (те, кто выжил), а сама она с мужем-адмиралом жила в своем поместье в селе Великая Мечетня нынешней Николаевской области Украины.

Первое, что сразу обращает на себя внимание при чтении воспоминаний Ю. Е. Завойко (отчего к ним и не очень подходит название «мемуары») — это сравнительно малый объем написанного — всего 64 страницы текста. Сама Юлия Евгеньевна объясняет это тем, что «<...> никогда не готовила себя к авторской деятельности» [Завойко Ю. Е., 1876]. Поэтому приходится только удивляться, как она смогла в столь небольшое количество написанных страниц вместить такой обширный объем ценных исторических, этнографических и географических сведений.

Второй момент, обращающий на себя внимание, — это удивительно патриотический характер ее записок, которые начинаются с краткого описания ее семейного путешествия 1840 года к месту службы мужа из Иркутска в Охотск, на берег Тихого океана. Здесь они прожили десять лет, а затем перебрались еще дальше — в Петропавловск-Камчатский. Можно только восхищаться мужеством и терпением баронессы, которая труднейшему месячному путешествию по абсолютному бездорожью уделила всего лишь несколько строк. Чего стоит только одна ее фраза: «Ехали по дремучим лесам, по высоким горам, по топям, в которых иногда даже тонули лошади» [Там же].

Несколько более подробно описал это путешествие сын Юлии Егоровны — Степан Васильевич: «В 1840 году отец мой, будучи в чине лейтенанта, женился и был назначен начальником Охотской фактории Российско-Американской компании. Тогда ему было всего 31 год. Выехал он со своей молодой женой из Петербурга осенью 1840 года. В Иркутске родился у него первый сын, но он умер в г. Киренске на реке Лене. От Петербурга до Иркутска и 300 верст за ним отец с матерью ехали в тарантасе и затем, оставив лошадей, перешли на лодки и прибыли в Якутск. Оттуда они уже отправились на расстояние около 1500 верст верхами, так как другого пути не было; ночевали в палатках, так как ехали безлюдной местностью; дорога шла по преимуществу болотами и горами [Завойко С. В., 1993].

Как видим, Ю. Е. Завойко ничего не пишет о большом семейном горе — смерти своего первенца во время путешествия. Зато с гораздо большим желанием и более подробно она написала о новом месте службы своего мужа: «Внутри полуострова Камчатка встречаются прелестные ландшафты: цепь сияющих гор, идущая вдоль всего полуострова; роскошная зелень, богатая флора; большие прекрасные озера среди зеленых, покрытых цветами долин; бешено ревущие быстрые пенящиеся речки; утесы,

по которым цепляются рододендрорум и другие прелестные цветы. Все это поражает своим величием и представляет совершенно неожиданные, живописные картины» [Завойко Ю. Е., 1876].

Значительное место в записках автора занимают описания повседневной жизни населения Петропавловск-Камчатского, жизни очень непростой и по современным меркам очень трудной. Достаточно сказать, что на момент прибытия семьи Завойко в Петропавловск-Камчатский там «<...> свирепствовала цинга, люди умирали от голода, некоторые дома стояли без крыш, многие матросские семьи вообще ютились на улице, везде царили упадок и запустение. Всё портовое хозяйство состояло из старой восьмивесельной лодки. По улицам бродили толпы пьяных иностранных матросов с китобойных судов, некоторые даже с гарпунами. Иностранцы бесчинствовали, нападали на женщин, вырубали ближайшие леса, запасаясь дровами» [Врубель, 2011].

С прибытием нового губернатора положение стало быстро меняться, и к началу Крымской войны в городе уже был наведен порядок: построены новые дома для жителей, служебные здания, мастерские, пекарня, госпиталь, налажено строительство судов для Камчатской флотилии. Интересно, что несколько матросских семей Юлия Егоровна поселила у себя в губернаторском доме, где они жили до тех пор, пока для них не выстроили жильё [Врубель, 2011]. Но обо всем этом автор записок опять же скромно умалчивает и фактически начинает их с весны 1854 года. Именно тогда, пишет автор, в марте «<...> зимняя почта привезла известие о разрыве с Турцией и о возможности войны» [Завойко Ю. Е., 1876] (напомним, что турецкий султан объявил войну России еще в октябре 1853 года, а уже 18 ноября состоялось знаменитое Синопское сражение). Уже из этого абзаца видно, в каком невероятном отрыве от центра России жила Камчатка.

Вообще о своем личном участии в общественной жизни города Юлия Егоровна пишет мало, ограничиваясь такими, например, фразами: «Мое время почти все принадлежало детям. Им я давала уроки, с ними играла, гуляла, болтала» [Там же]. Действительно, забота о детях требовала постоянных огромных усилий и временных трат: ведь детей у Юлии Егоровны на момент начала обороны города было уже девять, и она была беременна десятым (!). Но из того, что автор пишет буквально на следующих страницах, следует, что она предавалась не только семейным заботам: именно благодаря ее неутомимой деятельности губернаторский дом стал центром культурной жизни города.

Именно она, как жена губернатора, постоянно организовывала проведение различных празднеств и торжеств, инициировала групповые

выезды на природу, зимние катания на собаках и летние — на парусных катерах по заливу, руководила самодеятельным городским театром. Вот, например, что она пишет по поводу последнего: «Но все начинает прискучивать, разнообразия нет; до почты далеко; и вот дружно принялись опять за театр. Взялись опять за “Ревизора”, собрали, хотя и с трудом, еще несколько пьесок. Дамы (жены чиновников и военных. — *Авторы*) были так любезны, что охотно согласились участвовать. Начались очень веселые хлопоты: стали разучивать роли, строить декорации, рисовать занавес. Все устраивалось своими руками; сколько шуток, смеху! Городничиху играла девица, камчатская уроженка, никогда не видевшая театра; учить ее этому искусству выпало на мою долю, хотя я и сама только в детстве игрывала на домашних спектаклях. <...> Впрочем, надо сказать, что “Ревизор” был разыгран прекрасно» [Там же].

При этом Ю. Е. Завойко заботилась не только о досуге городской элиты, но и об обычных обывателях. Вот что она пишет о зиме 1854—1855 годов: «Всю эту зиму бывали веселые вечеринки и у матросов, и к ним собирался прекрасный пол их круга; и у них на вечеринках плясали до упаду, веселились, но все при том шло чрезвычайно чинно. И для них выбирали воинственные пьески и сцены, которые разучивались для неграмотных с помощью писарей и возбуждали воинственный, бодрый дух» [Там же].

Нельзя не отметить тот факт, что дом губернатора был демократически открыт, по крайней мере, для семей чиновников и офицерства. Автор записок так говорит об этом: «У нас всегда собиралось большое общество. Особенно весело было, когда собирались к ужину. Вероятно, многие из бывших тогда у нас помнят тот звонкий смех, который так заразительно раздавался и которому так дружно, беззаботно вторили» [Там же]. Как бы оценивая в целом морально-психологический (говоря современным языком) климат в городе, Ю. Е. Завойко добавляет: «Я до сих пор с благодарностью вспоминаю, как все легко воодушевлялись, как удачно, просто, беззащитно все шло. Никто друг на друга не обижался — жили одною дружною семьей» [Там же]. В чем, добавим мы, была несомненная заслуга и жены губернатора.

Но самая значимая часть записок посвящена главному эпизоду — обороне, а затем эвакуации Петропавловск-Камчатского. С получением в марте 1854 года тревожного известия в городе сразу же, как пишет Ю. Е. Завойко, началась планомерная подготовка к военным действиям: «Работа кипела на батареях и везде в порте. Мужа я с нашим переселением на Камчатку привыкла видеть только за обедом; он был везде сам и все делалось под его личным надзором и по его инициативе. Бата-

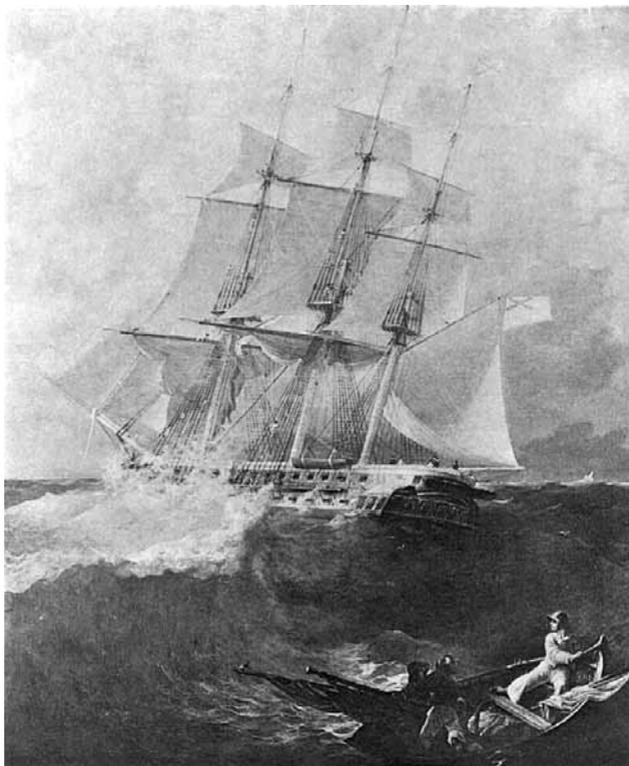
реи росли как по волшебству; батарея на Косе неимоверно скоро сделалась крепким бруствером. Готовили помещения для фрегатской команды и офицеров. <...> построили новую батарею на Красном Яру, насупротив Сигнального мыса, впереди города на Петровской горе, подле Никольской горы, на Кошке и небольшую батарейку на берегу озера. Так как по предположению фрегат должен был стоять одним бортом отшвартовавшись, то с другого борта сняли пушки для батарей, потому что присланных года за два пред тем было далеко недостаточно, чтобы вооружить все укрепления» [Там же].

Вот так несколькими предложениями Юлия Егоровна смогла передать весь накал предвоенной обстановки на Камчатке и, кстати, осветить выдающуюся роль своего мужа в подготовке к ставшей впоследствии легендарной обороне.

Что же касается упомянутого фрегата, то им была знаменитая «Аврора» (имя которой унаследовал еще более знаменитый крейсер)¹, пришедшая в Петропавловск-Камчатский из перуанского порта Калья в ходе своего кругосветного плавания (21 августа 1853 — 1 июня 1857 года). Об этом событии Ю. Е. Завойко пишет, что «<...> он (фрегат. — *Авторы*) стоял в Калья вместе с англо-французской эскадрой; там ожидали с часу на час известия о разрыве (отношений с этими странами. — *Авторы*). И фрегат, снявшись в Калья с якоря, во избежание встречи с многочисленным неприятелем, не заходя никуда, нигде не запасаясь провизией, молодецки совершил свой длинный переход и пришел в Петропавловск 19 июня (здесь и далее — по старому стилю. — *Авторы*). Следующий день было воскресенье; у нас обедали офицеры. Пришедших издалека сослуживцев встречаешь как родных, и тут скоро все перезнакомились и сблизились. И я, по крайней мере, вспоминаю авроровцев как близких, да и они, полагаю, лихом нас не помянут» [Там же].

К процитированному следует добавить, что переход «Авроры» из Калья на Камчатку был, действительно, выдающимся переходом, хотя «молодецким» его назвать трудно в силу одного печального обстоятельства (о котором, кстати, Ю. Е. Завойко умалчивает). Дело в том, что во время только этого перехода на судне от дизентерии и цинги умерло 13 человек, а еще большее число членов команды серьезно заболели. В числе последних оказался и сам командир фрегата И. Н. Изыльметьев (будущий извест-

¹ Основные тактико-технические характеристики: водоизмещение — 1940 т, длина — 48,5 м, ширина — 12,6 м, осадка — 4 м, вооружение — 34 пушки (24-фунт.) и 24 карронады (24-фунт.), экипаж — 300 чел.

Фрегат «Аврора» во время шторма

ный российский адмирал), который из-за недомогания вынужден был, в конце концов, оставить командование судном.

В результате, как сообщают источники, по приходе в Петропавловск-Камчатский с фрегата было свезено на берег и отправлено на лечение на горячие лечебные ключи в деревню Паратунку 196 человек. Но и там потери «Авроры» умножились: умерло еще 19 человек [Аврора ...]. После сказанного становится понятно, почему «<...> по предположению фрегат должен был стоять одним бортом отшвартовавшись» [Завойко Ю. Е., 1876] и почему с него сняли половину пушек для укрепления береговых батарей — экипаж судна, по выходе из Кронштадта насчитывавший 300 человек, был попросту разукмплектован.

По окончании оборонительных работ, как сообщает Ю. Е. Завойко, «<...> были собраны в одно праздничное утро на площадь все команды.

Прочитали им объявление войны, потом был прочитан приказ губернатора (мужа), который сим после того увещевал всех сражаться до последней крайности; если же вражеская сила будет неодолима, то умереть, не думая об отступлении. Все выразили готовность скорее умереть, чем отступить. После чего служили молебен» [Там же].

Но не только напряженной подготовкой к отражению возможного десанта жил Петропавловск-Камчатский летом 1854 года. Автор записок подробно описывает, например, один из дней отдыха городской элиты:

«Помню я один веселый праздничный день. Все общество собралось у нас... Дам было немного, были они по большей части туземные, то есть дочери священников, штурманов, здесь родившиеся, здесь воспитанные. Из приезжих, петербургских, была только одна супруга судьи. Молодая, образованная, хорошенькая собой она была нашим первенствующим светилом, о ней вздыхали, с ней стремились танцевать, ей писали стихи. Была жена правителя Русско-Американской компании <...>. Были три девицы-сестры туземных штурманских офицеров, танцующие девицы, выучившиеся этому искусству, конечно, на Камчатке. Не буду распространяться о других, многие из них были уже не молоды и обременены большими семействам. В то время среди приезжих моряков женатых не было. Танцевали у нас пар по шестнадцать и более. Танцевали очень весело. Спасибо молодежи, требовательна она не была, довольствовалась тем, что есть.

В этот вечер сперва катались по губе в катерах. Вот все катера сошлись вместе, держась близко друг подле друга; и после нескольких тостов (надо полагать — шампанского? — *Авторы*) раздались стройные хоры веселых песен и шумный, оживленный говор. Окончили тостами по случаю ожидания неприятеля, и вслед за тем запели народный гимн “Боже царя храни”, стройно, звучно, с видимым чувством и одушевлением. Затем громкое, оглушительное “Ура!”.

День завершился веселыми танцами под звуки нашего оркестра» [Завойко Ю. Е., 1876].

Как видим, проводить свое свободное время камчатская элита умела.

Непосредственно батальные сцены обороны Петропавловск-Камчатского Ю. Е. Завойко лично не наблюдала, так как все эти несколько самых опасных дней находилась с детьми «в эвакуации» — в безопасном месте, на хуторе в двенадцати верстах от города. Но о событиях героической обороны мы можем судить по ее очень подробному хронологическому описанию, которое автор записок составила непосредственно после завершения военных действий по рассказам их участников. Фактически ею была создана живая история обороны, и уже поэтому воспоминания Ю. Е. Завойко

следует рассматривать как серьезный вклад в историографию камчатского театра Крымской войны.

Что же касается «семейно-бытовой» стороны описываемых событий, то здесь особого внимания заслуживает описываемая автором трогательно-патриотическая сцена прощания губернатора со своей семьей:

«Встали из-за стола, распростились с добрыми друзьями и близкими, с которыми так дружно жили. Молчаливые слезы текли по личикам детей. Но вот настало еще более мучительное прощание. Дети зарыдали в голос. Отец благословил их, сказав каждому свой завет; старшим он говорил: “будьте честными слугами Царя и отечества. Не забывайте, что ваш отец готовится положить за него жизнь!” <...> Вдруг раздался болезненный, пронзительный голос Жоры (12-летнего Георгия, старшего сына. — *Авторы*):

— Маменька, оставьте меня с папенькой. Ведь он остается один, один... С вами все восемь. Оставьте меня с ним; я умру подле него.

— Друг мой, отвечает отец, — меня долг призывает умереть, а тебе, дитя мое, как старшему, я поручаю маму, сестер и братьев. Из любви ко мне иди с ними, заступи мое место, береги их [Там же]».

Приведенная выше сцена не может, конечно, не потрясать заложенным в ней колоссальным зарядом истинного патриотизма и служения своему долгу.

Несмотря на крайнюю напряженность обстановки губернатор В. С. Завойко, лично руководивший обороной, находил время, чтобы почти ежедневно посылать жене коротенькие записки. Пожалуй, самую знаковую из них он прислал вечером 24 августа 1854 года с известием о блестящей победе: «Бог за нас, сей день десанту было до 800 человек. Бог нас хранит — отбили». Эта записка удивительным образом напоминает знаменитую и еще более короткую фразу великого русского полководца А. В. Суворова: «Мы — русские! С нами Бог!»

Из упомянутого описания обороны мы узнаем о многих малоизвестных подробностях данного события. Например, весьма интересным представляется тот факт, что, несмотря на ожесточенность артиллерийских обстрелов и штыковых схваток, в конфликте присутствовали «джентльменские» правила. Так, обе стороны обменивались пленными, а по окончании боев российская сторона великодушно разрешила побежденным похоронить своих погибших на суше. Ю. Е. Завойко с известной женской жалостью так пишет об этом:

«Убитых англо-французов было до сорока человек, из них четыре офицера. <...> На белье одного из офицеров была метка “Паркер”, наружность

и одежда его показывала, что он принадлежит к хорошей фамилии. На следующий год от офицеров неприятельской эскадры узнали, что Паркер оставил после себя жену и пять человек детей... Жестокая судьба! Двое других офицеров были юноши, едва вышедшие из детских лет. Несчастные их матери, не суждено вам обнять дорогих сыновей; спят они вечным сном на чужбине!

С молитвами церкви, с воинскими почестями похоронили своих павших и врагов. Два кургана насыпаны неподалеку от порохового погреба, у подошвы Никольской горы, у самого входа в город со стороны озера. Это место их вечного покоя. Два креста осеняют их могилы» [Так же].

Такое милосердие к врагам тем более удивительно, что автор записок видела все те беды, которые принес с собой неприятель, сама хоронила убитых (в том числе и близких людей) и видела страдающих раненых, которым часто трудно было оказать полноценную помощь. Вот что она пишет, например, о дне 30 августа: «После обедни мы с мужем ходили в госпиталь к раненым. Эти бледные лица были искажены болью; но, тем не менее, все изъявляли такую радость, такое воодушевление по случаю славной победы. Наиболее страдающим посылали от нас на первое время все, что нужно из пищи, чтобы освежить и подкрепить их. Не могу не вспомнить при том наших достойных врачей, высказавших в то время столько искренней заботливости, теплого, душевного участия к страдающим, готовности пособить, сколько возможно; а ведь это последнее нелегко в нашей отдаленной, пустынной стране (Камчатке. — *Авторы*)» [Там же].

И здесь же — все то же великодушное отношение к врагам: «Жаль было смотреть на пленного француза; он был страшно изранен и ужасно страдал. Ему все оказывали большое участие и офицеры даже баловали его, давая ему всевозможные лакомства; десять месяцев бедняга пролежал и все лазаретные полюбили его» [Там же].

Завершая свои записи об обороне Петропавловск-Камчатского, автор пишет: «Возвратились мы в свое насиженное гнездо. <...> К обеду собрались у нас наши доблестные, храбрые сподвижники, наши добрые товарищи. Как отрадно было их видеть тогда... Более двадцати лет прошло с тех пор, но я всегда с искренней любовью вспоминаю их всех и каждого порознь. <...> Быть может, многие забыли этот краткий эпизод их жизни у нас; но я из них никого не забыла и со всегдашним теплым участием забьется сердце, когда упомянут знакомое имя, переносящее в эту незабываемую для меня эпоху» [Там же].

Но, по злой иронии судьбы, после тяжелейших испытаний в ходе обороны Петропавловск-Камчатского семейству Завойко предстояло и еще

одно, пожалуй, не менее тяжкое: вместе со всеми жителями покинуть родной город и эвакуироваться на берега Амура, а там начинать новое строительство. О том, насколько это было трудное мероприятие, говорит всего лишь одна фраза Ю. Е. Завойко: «До сих пор я не понимаю, откуда у меня взялись силы перенести все это... Бог и рыдающие маленькие дети вокруг поддерживали меня» [Там же]. На время эвакуации Юлия Егоровна вынуждена была почти на полгода расстаться со своим супругом. На это время пришлось и опасное путешествие, и неоднократные столкновения с кораблями все того же неприятеля, и, наконец, начало жизни в новом, совершенно необжитом месте — будущем городе Николаевск-на-Амуре.

Подробно описывая огромные трудности строительства нового форпоста России на Дальнем Востоке, Ю. Е. Завойко пишет: «Тяжелое время! <...> Здоровье мужа сильно пострадало. Такие бывают тяжелые минуты, а между тем мне предписывают быть веселой и бодрой духом, чтобы скорее поправиться» [Там же]. И здесь же: «Сегодня бал в клубе и муж там. Каждую неделю в клубе бывают собрания с дамами и танцами. Развлечение хоть какое-нибудь необходимо» [Там же].

Чуть ниже, описывая трудности со снабжением на новом месте, Юлия Егоровна пишет: «В Камчатке мне казалось подчас затруднительно вести хозяйство; но там у меня был свой скот, дичь, молока вволю, яйца были всегда. Здесь свежей говядины нет, изредка оленина, дичи мало; о молоке и говорить нечего; старшие дети и взрослые его и не видят, яиц и вкус забыли. Овощей нет. Сахару и чаю далеко не в изобилии. <...> Камчатские ребятишки много хворают и умирают. То и дело слышишь о гастрических лихорадках, даже о тифе; да и климат страшно суров!» [Там же].

Под стать снабжению были и жилищные условия, даже у семьи Начальника морских сил, находящихся в устье реки Амур (так именовалась новая должность В. С. Завойко, в которую он вступил в мае 1855 года). Вот что об этом пишет его супруга: «Домик, где мы живем, чрезвычайно тесен. Зала, гостиная, столовая — все это одна единственная, весьма небольшая комната; от нее же еще отделен уголок для буфета, да еще отделено одно окно, где учатся мои старшие мальчики. Посетители навещают меня по очереди; многих наша приемная вместить не может. Две крошечные спальни; в одной нахожусь я, тут диван, где я целый день сижу с детьми; по стене устроены настоящие корабельные койки в два яруса: внизу спят трое малюток, а сверху их две средние девочки. В другой крошечной комнатке по стене опять корабельные койки в два яруса: внизу маленький, а сверху моя старшая девочка, тут же няня с крошкой. Мальчики все трое старшие спят в нашей приемной, там огромный кора-

бельный диван с “Паллады”. Тут же у Василия Степановича крошечный кабинет» [Там же].

Но зато: «Большой двухэтажный клуб уже почти готов; в нем будет до 30 номеров для офицеров, и, кроме того, общая столовая, где будут обедать все офицеры и чиновники» [Там же]. Как мы видим, общественное и здесь выше личного!

Завершая свои записки, Ю. Е. Завойко пишет: «Заключение мира (в 1856 году. — *Авторы*) принесло с собой для нас давно желанное освобождение. Для наших преемников в мирное время не могло быть тех тяжелых лишений, которые выпали на нашу долю. <...> Простите, отдаленные края! От души желаю вам преуспевания, жителям вашим того искреннего единодушия, без которого нет в деле успеха и той же непоколебимой верности долгу, которыми были одушевлены все в мрачную годину испытания» [Там же].

3. Выводы

Подведем итоги исследования. Что можно сказать, прочитав воспоминания Юлии Егоровны Завойко, этой необычайно умной, мужественной, доброй и трудолюбивой женщины, заботливой матери и верной супруги? Она писала свои записки, не рассчитывая на благодарность потомков, хотя и вполне ее заслужила. На наш взгляд, несомненно, что ей хотелось запечатлеть в литературной форме историческую память о тех знаменательных, трудных, но в то же время славных событиях истории Российского государства, непосредственной свидетельницей и участницей которых ей довелось быть.

Если попробовать ответить на вопрос: какое главное чувство водило ее пером при написании своих воспоминаний, то мы бы ответили без колебаний: это был подлинный, глубинный патриотизм, бесконечная любовь к России и ко всему, что с ней связано, в том числе и к своему мужу и детям. И в этом она была абсолютно едина со своим знаменитым супругом — адмиралом Василием Степановичем Завойко, мудрым и инициативным администратором и достойным гражданином своей Родины. Всю свою жизнь Юлия Егоровна была надежным «тылом» своему мужу, который сделал блестящую военную карьеру, был награжден высшими орденами Российской империи, а оборона Петропавловск-Камчатского, которую он возглавил, осталась вписанной золотыми буквами в анналы отечественной истории.

Интересно, что на склоне лет Юлия Егоровна печалилась не о своем здоровье, которое до конца жизни было подорвано всеми перенесёнными лишениями. Ее печаль была в другом: что любимые сыновья так и не стали морскими офицерами и не смогли в этом качестве послужить России. Двое

из них — Георгий и Иван — погибли в юном возрасте, один — от тифа, другой — от пули горца на Кавказе, а третий, Степан — не смог служить из-за слабого зрения (хотя и сделал очень неплохую карьеру на гражданском поприще).

Как это нередко бывает, своими скромными записками-воспоминаниями Ю. Е. Завойко (сама того, конечно, не ожидая и явно на это не рассчитывая) прочно вошла в историографию России XIX века. Ее записки-воспоминания, составленные в точном хронологическом порядке, дают весьма полное представление о положении Камчатки в предвоенный и военный периоды Крымского конфликта, попутно давая ряд сведений о весьма интересных сторонах жизни вообще всей дальневосточной окраины Российской Империи в середине XIX века.

Так, например, заслуживает большого интереса описанный Ю. Е. Завойко малоизвестный факт: все местное камчатское население (камчадалы) в русско-англо-французском конфликте безоговорочно встало на сторону России. Это, на наш взгляд, убедительно говорит об успехе российской колонизаторской политики, в ходе реализации которой коренному населению было обеспечено вполне толерантное отношение.

Источники

1. *Аврора* (фрегат) [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Аврора_\(фрегат\)#cite_ref-mirror.flot.com_9-8](https://ru.wikipedia.org/wiki/Аврора_(фрегат)#cite_ref-mirror.flot.com_9-8).

2. *Врубель В.* Жена губернатора Камчатки / В. Врубель [Электронный ресурс] // Проза.ру. — 2011. — Режим доступа : <https://www.proza.ru/2011/03/08/872>.

3. *Завойко Ю. Е.* Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854—1855) / С. В. Завойко // Русский Вестник. — 1876. — Т. 123, № 6. — С. 442—504.

4. *Завойко С. В.* Тогда мы были молоды (воспоминания Степана Завойко — сына губернатора Камчатки в 1850—1855 годах В. С. Завойко) / С. В. Завойко // Камчатка : литературно-художественный сборник. — Петропавловск-Камчатский : Дальиздат, Камчатское отделение, 1993. — 136 с.

5. *Юлиана Егоровна Врангель* (Завойко) [Электронный ресурс] // Родовод. — Режим доступа : <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:389487>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арбузов А. П.* Оборона Петропавловского порта в 1854 году против англо-французской эскадры: из записок очевидца и участника в этом деле / А. П. Арбузов // Русская старина. — 1870. — Т. 1. — С. 304—319.

2. *Героическая оборона Петропавловска в 1854 году* : сборник воспоминаний, статей, писем и официальных документов / сост. Б. П. Полевой. — Петропавловск-Камчатский : Дальневосточное книжное издательство Камчатское отделение, 1979. — 246 с.

3. *Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году* : сборник воспоминаний, статей, писем и официальных документов / сост. Б. П. Полевой. — Петропавловск-Камчатский : Дальневосточное книжное издательство, 1989. — 272 с.

4. *Киселева Н. С.* История Камчатки. История Российского флота : сборник материалов и документов к теме «Петропавловская оборона 1854 года» / Н. С. Киселева. — Петропавловск-Камчатский : КамчатГТУ, 2007. — 169 с.
5. *Степанов А. А.* Петропавловская оборона (1853—1856 годы) / А. А. Степанов. — Хабаровск : Дальневосточное государственное издательство, 1950. — 152 с.
6. *Тарле Е. В.* Крымская война : в 2 томах / Е. В. Тарле. — Москва ; Ленинград : Академия Наук СССР, 1941—1944.

YU. E. ZAVOYKO'S MEMORIES AS A SOURCE ON HISTORY OF FAR EASTERN THEATRE OF CRIMEAN WAR OF 1853—1856

© **Vladimir N. Mamyachenkov (2019)**, orcid.org/0000-0001-6070-8746, Doctor of History, professor of the Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), mamyachenkov@mail.ru.

© **Vladislav V. Shvedov (2019)**, orcid.org/0000-0003-2130-3273, PhD in History, associate professor, Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), svedoff@mail.ru.

The article analyses notes-memories of Yulia Egorovna Zavoyko (1819—1892), wife of the famous Russian military leader, Admiral Vasily Stepanovich Zavoyko (1810—1898). The literary heritage of Yu. E. Zavoyko is regarded as an important historical source on the history of Kamchatka and the Kamchatka theatre of the Crimean war of 1853—1856. The relevance of the topic is due to the great interest that nowadays manifests itself to the historical problems of gender, first of all — to the understanding of the role of a woman in the historical process. Scientific novelty of research consists in the fact that the literary heritage of Yu. E. Zavoyko by the date has not been the subject of research. It is noted that her name is now known mainly only to professional historians and those who are interested in the history of Russia. It is reported that Yu. E. Zavoyko was born in an aristocratic family and was a relative of a whole group of famous Russian historical figures. It is emphasized that a number of memoirs and scientific works are devoted to the Kamchatka events of 1854—1855. It is stated that some works are devoted to Yu. E. Zavoyko herself and her famous husband, but her memories were not given worthy attention. It is argued that these memories favourably differ from all other works by the fact that they are written by a woman, wife and mother, and therefore do not cover the “battle” (and well-known), but the everyday, everyday side of life and defence of Petropavlovsk-Kamchatsky. It is added that their author was able to contain a fairly large amount of valuable historical, ethnographic and geographical information in a small number of written pages.

Key words: Crimean war of 1853—1856; Kamchatka theatre; Petropavlovsk-Kamchatsky; Zavoyko's spouses; notes-memoirs.

MATERIAL RESOURCES

- Avrora (fregat). In: *Vikipediya*. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Avrora_\(fregat\)#cite_ref-mirror.flot.com_9-8](https://ru.wikipedia.org/wiki/Avrora_(fregat)#cite_ref-mirror.flot.com_9-8). (In Russ.).
- Vrubel, V. (2011). Zhena gubernatora Kamchatki. In: *Proza.ru*. Available at: <https://www.proza.ru/2011/03/08/872>. (In Russ.).
- Yuliana Egorovna Vrangel' (Zavoyko). In: *Rodovod*. Available at: <https://ru.rodovid.org/wk/Zapis':389487>. (In Russ.).

- Zavoyko, S. V. (1993). Togda my byli molody (vospominaniya Stepana Zavoyko — syna gubernatora Kamchatki v 1850—1855 godakh V. S. Zavoyko). In: *Kamchatka: literaturno-khudozhestvennyy sbornik*. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Dalizdat, Kamchatskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Zavoyko, Yu. E. (1876). Vospominaniya o Kamchatke i Amure (1854—1855). *Russkiy Vestnik*, 123/6: 442—504. (In Russ.).

REFERENCES

- Arbuzov, A. P. (1870). Oborona Petropavlovskogo porta v 1854 godu protiv anglo-frantsuzskoy eskadry: iz zapisok ochevidtса i uchastnika v etom dele. *Russkaya starina*, 1: 304—319. (In Russ.).
- Kiseleva, N. S. (2007). *Istoriya Kamchatki. Istoriya Rossiyskogo flota: sbornik materialov i dokumentov k teme «Petropavlovskaya oborona 1854 goda»*. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KamchatGTU. (In Russ.).
- Polevoy, B. P. (1979). (ed.). *Geroicheskaya oborona Petropavlovskaya v 1854 godu: sbornik vospominaniy, statey, pisem i ofitsialnykh dokumentov*. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Dalnevostochnoye knizhnoye izdatelstvo Kamchatskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Polevoy, B. P. (1989). (ed.). *Geroicheskaya oborona Petropavlovskaya-Kamchatskogo v 1854 godu: sbornik vospominaniy, statey, pisem i ofitsialnykh dokumentov*. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Dalnevostochnoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Stepanov, A. A. (1950). *Petropavlovskaya oborona (1853—1856 gody)*. Khabarovsk: Dalnevostochnoye gosudarstvennoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Tarle, E. V. (1941—1944). *Krymskaya voyna: v 2 tomakh*. Moskva; Leningrad: Akademiya Nauk SSSR. (In Russ.).